

*КРЫЛЬЯ
КРЕПНУТ
В ПОЛЕТЕ*

СТИХИ

В. БОГДАНОВ

А. КАЮТИНА

Л. ПАТРАЛОВ

В. КОРОТАЕВ

О. КВАНИН

В. КОЗЛОВ

Л. БЕЛЯЕВ

Г. КРУТОВ

Б. ЧУЛКОВ

ДОРОГОЙ ДРУГ!

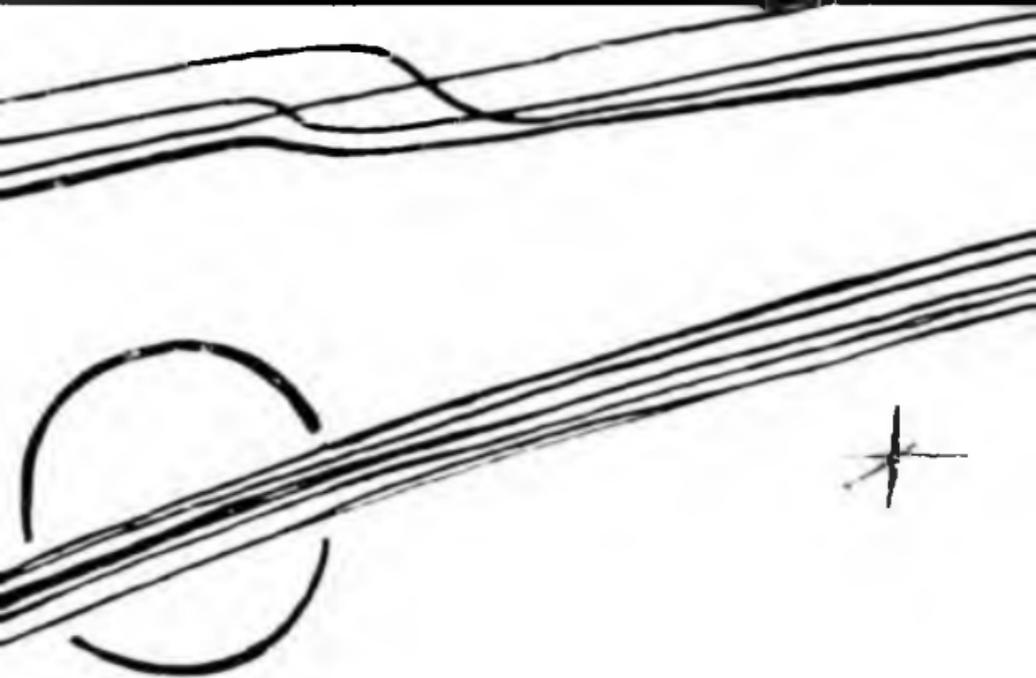
Ты берешь в руки сборник стихов молодых поэтов-вологжан, который расскажет о работающих и добрых, чистосердечных людях северного края, их чувствах, думах, дерзаниях.

Ты берешь в руки сборник стихов, который расскажет о весне молодых сердец, Родине и дружбе, любви и мире, о трудолюбии наших девчат и парней, идущих навстречу восходящему солнцу коммунизма.

Кто же они, наши молодые поэты?

Леонид Беляев, Антонина Каютина, Виктор Коротаяев и Борис Чулков — учителя, Валентин Богданов — журналист, Вячеслав Козлов и Герман Крутов — рабочие, Леонид Патралов — комсомольский работник.

Итак, молодые авторы отправились в свой первый поэтический полет. Пожелаем же им, чтобы их поэтические крылья по-настоящему окрепли в этом полете.

*КРЫЛЬЯ
КРЕПНУТ
В ПОЛЕТЕ*

ВОЛОГОДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Р 2

К 85

Общественная редколлегия:

С. В. Викулов, А. А. Романов,

А. А. Сухарев

Редактор *А. П. Гусев*

Оформление *Е. А. Букреева*

Корректор *О. И. Медведева*

ГЕ02529. Подписано к печати 19. 6. 63 г.

Бумага 84 × 108¹/₆₄.

Бум. л. 0,875.

Печ. л. 2,87.

Уч.-изд. л. 2,05

Тираж 4000.

Цена 12 коп.

Заказ 2987

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

Валентин БОГДАНОВ

Родился Валентин Богданов в Череповце в 1934 году. Трудовую жизнь начал с ремесленного училища. Затем работал слесарем и фрезеровщиком, был одним из покорителей целинных земель. Сейчас он — литсотрудник редакции череповецкой газеты «Коммунист».

Богатая рабочая биография Валентина Богданова родила многие его стихи: и те, что печатались на страницах республиканских и областных газет, и те, что были опубликованы в сборнике молодых поэтов Воркуты.

Валентин Богданов пишет о том, что хорошо знает, что передумал, пережил, перечувствовал. Его стихи посвящены главным образом труженикам семилетки.

РОССИЯ

Зеленое — Россия!
И синее — Россия!
Мы бегали босые
Дорогами, пыля,
Не зная, что Россия —
Великая земля.
Читали мы про джунгли.
Но, ядер горячей,
Березовые угли
В нас били из печей.
Мы, удалью вскипая,
Плутали в мире том,
А Вега голубая
Звенела за окном.
А тоненькие ивы,
Укутав ноги в наст,
Все ждали терпеливо

Признания от нас.
И как потом случилось,
Мы вспомнить не могли:
Нам сказкою раскрылась
Краса родной земли.
Россия, ты Россия,
Звонящая звезда.
Зеленою и синей
Ты видишься всегда.
Зеленою и синей,
Как небо и леса.
Россия, ты Россия,
Певучая краса!

НЕУСИДЧИВОСТЬ

Едут девушки,
Едут в степь,
Туда,
Где земля гудящая
Ждет хозяев,
А не гостей.
Знойная
Настоящая,
Ждет к себе она не гостей,
Не с помадами да капронами.
Едут девушки,
Едут в степь
В платьях ситцевых,
В жизнь влюбленные.
С ними парни—семнадцать лет.
В этом возрасте очень многие
По далекой грустят земле,

С непроложенными дорогами.
Мы и сами когда-то так:
Вместо дома —
Вагоны тесные,
Да один на троих рюкзак,
Да баян с неразлучной песнею.
А без этого — пропадай,
Даже трижды
Продленная молодость.
В нас по-прежнему поезда
Вызывают мечту и гордость.
И по-прежнему в поездах
За романтикой едут ленинцы.
Неусидчивость
Никогда
Не состарится, не изменится.
Без нее на земле беда,
Без нее ничего не сбудется.
Неусидчивость,
Будь всегда
Беспокойною нашей спутницей!

ДЕВЧОНКИ

Я знаю девчонок,
Тех самых, тех самых..
Не тех, что с пеленок
До выданья замуж
За маминой юбкой
Сидят обречённо,
Не неженки хрупких
Я знаю девчонок.
Без всякой там блажи,
Другие мне любы,
Станочницы наши —
Маруси и Любы.
И есть у них песни,
И книг у них горы,
И в комнатах тесных
Такие просторы...
Бедны в одиночку,

А вместе — богаты,
Не мамины дочки,
А наши девчата,
Что утром, вставая,
Бегут после чая,
Шумят по трамваям,
День новый встречая.
Потом на заводе
Серьезными станут.
Забудут все вроде,
Косынки подтянут.
Работают с чувством
И с жадинкой даже.
Устанут, но усталь
Свою не покажут.
Лишь горки деталей,
Блестя, как медали,
Подскажут: устали
Девчонки, устали.
Устали Наталки,
Катюши и Галки...
Но вечером в парке
Танцуют вразвалку.
И пусть у них тоже

Ребятчи прически,
И сами похожи
Они на подростков,
Но я упрекнуть их
Себе не позволю.
Я знаю — их руки
В горячих мозолях,
В глубоких порезах.
Ладони, как камень.
И пахнут железом
Они — не духами.
А если сердца их
Любовь повстречают
Не искрой мерцают —
Костром полыхают.
Такие мне ближе,
Как песни в народе,
Таких я и вижу
У нас на заводе.

Я все равно благодарю
Тебя, ту девчонку, с которой
Давным-давно свою зарю
Я выходил встречать за город.
Благодарю, что в ту весну,
Сама не ведая, быть может,
Меня заставила взглянуть
На жизнь доверчивей и строже.
И пусть еще я в чем-то плох,
Несовершенен в чем-то, труден,
Но знай, души моей тепло
Я раздарю в дороге людям,
Чтоб никогда ты не могла
Вдруг обо мне узнать иное
И пожалеть, что рядом шла
В далёкой юности со мною.

Антонина КАЮТИНА

Антонина Каюткина родилась в д. Пехтево Череповецкого района Вологодской области в 1931 году. После окончания семилетней школы поступила в медицинский техникум. Впоследствии работала фельдшером в Белозерском районе.

В 1953 году окончила Череповецкий учительский институт. В настоящее время работает преподавателем литературы в школе № 7 г. Череповца.

Стихи Антонины Каютиной печатались в областных и республиканских газетах.

СЕВЕРЯНКА

По-дочерни тепло и нежно,
Не рисуясь и не тая,
Я люблю тебя, Север снежный,
Детство, молодость, жизнь моя.
Где течет Шексна-серебрянка,
Старый бор над рекой шумит,
Слово скромное «Северянка»
Для меня, как песня, звучит.
Я люблю твои снежные зимы,
Полыханье белых ночей,
И во сне мне снится, любимый,
Говор чистых твоих ключей.

ДОРОГА

Тебя клянут и конные, и пешие,
Ругают так — темнеет белый свет.
Здесь поминают и чертей, и лешего,
Отдел дорожный, бога, сельсовет.

Прости мне оскорбленья и проклятья.
Совсем недавно ясно стало мне:
Быть пешеходом — трудное занятие,
А быть дорогой — тяжелей вдвойне.

Присмирел у книжной полки,
Или пишешь, или спишь,
Или бродишь по посёлку,
Будишь утреннюю тишь.

У тебя свои тревоги,
День короток — мало дня.
Манят дальние дороги,
И тебе не до меня.

Есть другие впечатленья,
Есть заботы поважней.
«Мимолётное виденье»
Затерял конвейер дней.

Я за это не в обиде.
Не тревожу твой покой

Ни желанием увидеть,
Ни назойливой строкой.

Не ищи меня, не надо,
Я — иголочка в стогу.
Если счастлив — буду рада.
Горе грянет — помогу!

РАЗГОВОР

Как бесполезные вещицы,
Как будто горсть сухой земли,
Он с форсом старой продавщице
Бросает смятые рубли.
Не честные, не трудовые,
Они бесценны и легки.
Бросает не свои — чужие.
Их одолжили старики
Ему на мелкие расходы:
На папиросы, на ситро.
«На стройку ехать? На заводы?
Ну, нет, — ответит он, — старо.
Старо и примитивно слишком,
Как трут и кремь, как фасоль,
Немного надобно умишка
Лопатой высверлить мозоль.
Всю жизнь вытачивать детали?

И выжимать процент? Смешно.
Да мы в космические дали
Прорубим запросто окно!»
«А чем рубить? Словами, что ли? —
Гляжу в упор на паренька. —
Не вспухнут на руках мозоли
От вилки, рюмки коньяка.
Да если б все за кружкой пенной,
Болтая, проводили век,
В глухие прерии Вселенной
Не заглянул бы человек.
Но есть учёные и плотники,
Строители и доктора —
Обыкновенные работники...
А ты кто? Кто ты?
Знать пора!»

У ЛЕСНОЙ РЕЧОНКИ

Может, в этом лесу, на камушке,
Ночку целую, до утра,
Горько плакала об Иванушке
Над студёной водой сестра.
Одинокая и несмелая,
Как былинка, среди камней.
И сестрички, березки белые,
Шелестели всю ночь над ней.
Может, этим путём-дорогою
По траве-мураве густой
Длиннокосая, босоногая
Птицей раненой шла домой.
В речке чёрной не видно донышка,
Солнце режет, слепит глаза.
А вокруг — то ли слёзы
Алёнушки,
То ли утренняя роса.

ВСТРЕЧА

Ты совсем не такую стала.
Платьем шелковым шелестишь.
Словно лампочка в полнакала,
Вроде тлеешь, а не горишь.
— Получила квартиру новую.
— Как с работой?

— Ушла сама.

Тянет щупальцы васильковые
С толстой скатерти бахрома.
— Как с заочным?

— Да я же бросила.

Тяжело. Здоровье не то.
Полюбуйся, какое осенью
Я купила себе пальто.
Беспокойное и просторное
Небо скрыла решетка гардин.

Спрятал солнышко непокорное
Дорогой хрустальный графин.
На диване моточки шёлку.
— Вышиваешь?

— Да вот — талант.

Отодвинул книжную полку
На задворки паук-сервант.
Что-то зябко, как днём без солнышка,
Не от плюшевых ли портьер?
Словно в омут, глядит «Алёнушка»
В раззеркаленный шифоньер.
Чуть задерживаюсь у порога я.
А за дверью — день голубой.
Жаль Алёнушку босоногую,
Увести бы её с собой!

КНИЖКИ ВНУКА

Журила бабка его за книжки
И давала такой совет:
«Если нет своего умишка,
От чужого-то проку нет».

Слушал бабушку внук вполуха,
Отправлялся нехотя спать.
Лишь затихнет, уснет старуха,
А страницы шуршат опять.

Бабка сердится: «Вот проказник,
И лицом, и характером в мать».
И решила суровой казнью
Искусителей покарать.

То-то. Будет вперёд наука.
Растопила пожарче печь,

Стала утром, тайком от внука,
Распроклятые книги жечь.

Да задумалась. Что за сила
В этот пыльный вложена хлам?
С любопытством одну открыла,
Начала читать по складам.

Подгорела в печи картошка,
Чуть не лопнул в печи горшок,
С аппетитом проныра-кошка
На столе потрошит пирог.

Из квашни удирает тесто,
От натуги шипит, пыхтит.
А старушка сидит — ни с места,
Лишь страницами шелестит.

За окном тишина. Ни звука.
На столе остывает чай.
Бабка ласково просит внука:
«Ну-ка, умница, почитай».

Нет, не я стихи написала.
Их мне колос шепнул ржаной.
Поздним вечером у причала
Разговаривала я с волной.

Тёплый дождик по крыше звонкой
Отстучал их под утро мне.
Солнце дружескою ручонкой
Начертило их на стене.

Над стихами я не вздыхала
И не мучилась у стола.
Их девчонка в ладошках алых
С земляникою принесла.

Опять на лужайке,
Где клевер да кашка,
В оранжевой майке
Гуляет ромашка.

На ней сарафанчик
Шестнадцатиклинка.
В зелёный карманчик
Упала росинка.

Леонид ПАТРАЛОВ

Леонид Патралов родился в 1938 году. По профессии он — техник-электрик. За его плечами — служба в рядах Советской Армии, работа на Вологодском мелькомбинате.

В настоящее время Леонид Патралов работает инструктором Вологодского обкома ВЛКСМ и учится на вечернем отделении русского языка и литературы Вологодского пединститута.

Первые стихи Леонида Патралова были напечатаны в «Вологодском комсомольце» в 1960 году. С тех пор он постоянно сотрудничает в наших областных газетах.

ДОЖДЬ

Дождь бьёт
по крышам и по вывескам
скороговоркой
щелк да щелк.
Дождь льет и льет,
стараясь выискать,
чего бы вымочить ещё.
Одни под зонтик прячут голову
от дождика, как от беды.
А мы, смеясь, идём по городу
под ликование воды.
Дождь освежает и врачует,
шумит по рощам и полям...
— Дождя,
еще дождя хочу я
с весенним солнцем
пополам!

Зря они не раздарят
Никому своих чувств,
зря они не ударят
никого по плечу.
И не дрогнут заранее
от грозящей руки...
Всё сильнее желание
самому стать таким.

РЫБОЛОВ

Что может быть
для мальчика дороже
(его ничем уже не улестить!),
чем полдесятка
маленьких сорожек
на прутике
торжественно нести.
Шагает он и гордый
и довольный
и не спешит нарочно от реки.
Пускай спине сгоревшей
очень больно,
но это больно —
просто пустяки.
Исчезло всё:
затеи, игры, вещи...

А рядом молча
сверстники идут.
И отликает матово подлещик,
единственный,
на самом на виду.
Мальчишке
так волнующе заснётся,
и он услышит
через полчаса,
как туго зазвенит
и... оборвётся
натянута рыбиной леса.

Я снова в Вологду приеду
и, как-то странно оробев,
найду забытую примету,
что мне расскажет о тебе.
Увижу я всё наше давнее,
оставшееся в том году,
и, как на первое свидание,
к фонтану старому приду.
Я стану память перелистывать,
чтобы найти тебя, найти...
Опять сирень цветёт неистово,
цветёт... А что ей не цвести?
И будет смутно и тревожно
мне у фонтана одному...
...И я пойму — что невозможно,
а что возможно — не пойму.

УЛЫБКА

Цветут улыбки.
Цветут.
Светло, как рыбки,
они плывут.
Боюсь я очень —
а вдруг вспугну?
Блеснёт улыбка
и, словно рыбка,
уйдёт ко дну.

Накрапывает дождик,
За точкой ставит точку, —
Как будто кто-то гвоздик
Вбивает молоточком.
А ветер вдруг подвалит,
Деревья вгонит в дрожь,
В десяток наковален
Ударят гром и дождь.
И молния косая,
Тяжелых туч касаясь,
На целую версту
Распорет темноту.

Виктор КОРОТАЕВ

Виктору Коротаеву 24 года. Он выпускник Вологодского педагогического института, автор книжки стихов «Экзамен», изданной Вологодским книжным издательством в 1962 году.

Стихи Виктора Коротаева — это стихи о людях труда, их думам и чувствах. Лирический герой молодого автора — рабочий человек, горячо верящий в правоту своего дела непримиримый в борьбе со всем косным, мешающим нашему движению вперед.

Недавно Виктор Коротаев закончил работу над второй книгой стихов, которая выйдет также в Вологодском издательстве.

Я ДОМОЙ ПОГОСТИТЬ

Я домой погостить.

И штаны позаштопать и свитер.

Не одни сапоги

измолот я в болотном краю.

Я домой погостить.

Вы глядите, пижоны, глядите

На упругую, с легкой развалкой

лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих

Весь пропахший сосной.

Излучаю берёзовый звон,

Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?

Вы же

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Вам в своих гардеробах
вдыхать нафталиновый запах,
Вам с тоскою смотреть в своё завтра,
как в мутную марь,
Вам не слышать вовек,
как в еловых запутавшись лапах,
Затрепещется вдруг
замечтавшийся, видно, глухарь.
Не ночёвывать вам
ни в стогах, ни в суслонах на поле,
Не встречать с петухами
с боков подрумяненный день
И по звучным стволам
под мужицкие шуточки с солью
Не звенеть топором,
рукавицы заткнув за ремень.
Потому глухоманью,
где некому выбрать брусники,
Мне дано это право:
с незлою душой мужика
На всегдашние ваши бега
и возню из-за модной пластинки
Поглядеть снисходительно.
Даже чуть-чуть свысока.

А на сердце моем —
 будто снова скворцы прилетели.
Я иду широко
 и бедовой не гну головы.
На отросшей моей бороде
 неопавшие звёзды метели
И влюблённые взоры мальчишек,
 что будут умнее,
 чем вы.

Я помню этот старый виноградник,
Где тёплым духом веет от земли,
Где поутру, задумчивые, рядом
Тугие гроздья

медленно росли.

И вновь

с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,

влажными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,
Горячим светом озаряя двор,
Всходили доморощенные солнца
Налившихся

пунцовых помидор.

Я шёл к столу, позевывая сладко,
И что-то баритоном напевал.

Простые люди

среднего достатка

Меня опять сражали наповал:

Казался стол и короток, и узок

От колбасы, ватрушек и вина.

Со скрипом

прогибалась под арбузом

Ореховой столешницы спина.

И вспоминались мне

родные сёла,

Где зная, что такое хлеб и труд,

Не меньшие, быть может, хлебосолы

В сосновых избах

издавна живут.

Я там бывал и не однажды буду,

Там приютят в любое время дня

И всем, что есть,

приветливые люди

От всей души

попотчуют меня.

Али образованность отшибла
Память о родимой стороне?
И в который раз поймётся с песней
То, что я вовеки не предам:

Солоно —

но только б с ними вместе,

Тяжело —

но лишь бы пополам!

ШУТОЧНОЕ

Ах, какие женщины бывают —
Боязно в глаза им заглянуть.
Как упруго платье облегает
Чуткую приподнятую грудь.
Встретится такая ненароком —
И от острой грусти нет житья,
И вздохнётся горько и глубоко:
«Вот и хороша,
Да не моя».
Ну, да что поделаешь. Не всем же
Прямо в руки красоту подать.
О ее вершинах белоснежных
Надо же кому-то
И вздыхать.
У меня и нет особых жалоб.
Я, порой, подумаю о том,
Что иные модницы, пожалуй,

Мне так тебя встречать не хочется,
Что, стиснув ядра кулаков,
Себя

 в остроге одиночества
Упрятал я за семь замков.
И чтобы не взбрело мне в голову
Искать твой отчужденный взор,
От выходов ключи тяжелые
Я нынче выкинул во двор.
Но стоит

 сквозь окно

 на улице

Вдали узнать мне твой наряд —
Все зареканья позабудутся,
И двери

 с петель

 полетят.

Вновь у меня кружится голова,
И бьется сердце в вихре нетерпенья,
И я люблю, как бабочек, слова,
Что спят на чутких стеблях вдохновенья.
Я к ним крадусь, хмелея неспроста
И каждый мускул напрягая в теле,
Я к ним крадусь, на цыпочки привстав
И сняв ботинки, чтобы не скрипели...
И вот одна, которая нужна,
Как песне — звук,
Как следствию — причина...
Я чувствую, как празднична она,
Хотя пока и смутно различима.
К ней тянется уже моя рука.
Я больше в мире ничего не вижу.
Рывок.
В ладони влажный хруст цветка,
А бабочка взвивается все выше.

Олег КВАНИН

Олег Кванин родился в Рыбинске. Здесь он окончил среднюю школу. Затем переезжает в Ленинград и работает шлифовальщиком на заводе «Кировец». После окончания военно-инженерного училища в 1937 году он работает топографом в Сибири.

Пишет стихи Олег Кванин уже несколько лет. Но, пожалуй, самые интересные стихи написал он тогда, когда переехал на постоянное местожительство в Вологодскую область. Здесь впервые обнаружилось, что Олег Кванин обладает не только даром лирика, но еще и даром сатирика. Его сатирические миниатюры печатались в областных и центральных газетах и в журнале «Крокодил».

СЕВЕР

Не всем ты доверяешь сердце,
Не веришь в громкие слова.
И только подлинным умельцам
Вручаешь на себя права.

Не зря в дни общих испытаний,
На жаркой крутизне дорог,
Простое слово — северянин —
Звучит, как мужества залог!

БЮСТ ГЕРОЯ

Он молод был,
Голубоглаз
И рус,
Но на вопросы
Немца-палача
Молчал,
Как будто каменный,
Молчал,
Как этот бюст...

Сумею ли
И я
Вот так молчать,
Молчать,
Чтоб враг от страха стал
Кричать!

ПАТРИОТ

Памяти Э. Тельмана

Могут руки скрутить
И рот завязать,
Могут плоским штыком
Погасить глаза.
Могут,
Целясь
В багровый сосок на груди,
В дикой ярости
Весь пистолет разрядить...

Могут пути ослабить
И жизнь предложить.
Папиросу
Вдавить в окровавленный рот...
Могут всё.
Но не смогут заставить жить,
Предавая народ!

НА СЕНОКОСЕ

Ах, каким
 июнь
 счастливым выдался!
Солнечней его
 не помню сызмальства!
Не видал таким высоким неба
С той поры,
 как грабли
 в руки не брал!
Не пивал хмельнее и студеней,
Той воды,
 что пью здесь из ладоней!
Будто жил
 в стране не здешней.
 Где-то.
Где ни разу не сверкало лето!..

ЕСЛИ Б...

Я немало в жизни куролесил,
Тратил молодость на пустяки.
А теперь вот —
Если бы,
Да если б,
Быть бы, если б,
Раньше не таким!
Что уж!..
Слов не выкинуть из песни
День рождён,
И ты рождён —
Твори!
Чтобы завтра
Снова это — «если б»
В сотый раз себе не повторить!

НИКОГДА...

Никогда по росе
Босиком не бродил он,
Никогда он не видел,
Как солнце всходило.
Не любил поездов он
Ни дальних, ни дачных,
И не помнил с рождения
Дней неудачных...
Не с того ли
И радостных дней у него
тоже не было?
Ни одного...

КЛЮЧ

Как точно он по-русски назван!
Не тот, которым и теперь
Скрипуче, повернув два раза,
Мы закрываем в доме дверь,
А тот — сверкающий и гулкий,
Что к людям радостно бежит,
Что в глупые не дастся руки,
Но равно всем принадлежит!..

И кажется до боли странным,
Что тот, с лесным одноимён,
Названием
Не иностранным,
А нашим,
Русским,
Наречён!

РАБОТА

Пусть в руки не возьму блокнота,
Строки не выведу пером,
Как дед мой, стану век работать
Веселым, гулким топором.

По-плотницки, не многословен,
Иным уменьем пригожусь —
Из солнечных, сосновых брёвен
Светлее песни дом сложу,

Чтоб был, как песня, синью залит,
Чтоб жил, как песня, сотни лет,
Чтобы, войдя, сказал хозяин:
— Да ты не плотник, ты поэт!..

СТОЛБЫ ЭНЕРГОСЕТИ

Уверенно
В серых спецовках рабочих
Шагают они
Вдоль дорожных обочин.

Одною шеренгой,
В затылок друг другу,
Шагают сквозь ливень,
Шагают сквозь вьюгу.

Их плечи гудят
От нелёгкой работы,
Но чёток их шаг
И чисты повороты.

Есть что-то в их стати
От тех, что когда-то,

Работая, шли здесь
С зари до заката
По пашням ребристым,
По просекам узким —
Прямы и просты,
И надежны
по-русски!

Вячеслав КОЗЛОВ

Вячеслав Козлов родился в Череповце в 1938 году. После окончания семилетней школы работал на стройке. Был подсобным рабочим, токарем, шофером.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, работал на комсомольской ударной стройке — Прибалтийской ГРЭС. В 1962 году вернулся в родной Череповец.

Сейчас Вячеслав Козлов работает токарем в Череповецкой авторемонтной конторе. Первые стихи его, посвященные трудной, но почетной солдатской службе, были опубликованы в газете «Советская Армия».

РАКЕТЫ

Опять на Марс,
опять ракеты
неукротимые летят.
Сенсационных пируэтов
они, ракеты,
не хотят.
Они стремительны, мгновенны,
но не помпезность сохранив,
а лишь упорство
то, наверно,
с которым делали мы их!

С «ВОСТОКОМ»

Точно грузные яблоки — ветер
пригибает листву и ветки.
Я накручиваю на велосипеде
за газетой, теряя кепку.

Точно птица, газета «Известья»
бьёт страницами на ветру.
Я читаю и будто в созвездия
с сообщением новым иду.

Я иду высотой звездной
и мечтаю той высотой.
И орбиту той перекрестной,
что «Востоки» несут над землёй.

Поднимаю руки высоко,
опрокидываю в небо взор

и сигналы ловлю «Востока»
из космических синих зон.

Я волнуюсь:

«А вдруг,
а если...»

Я не сплю.

Разве можно спать?

Я спешу,

я хочу известий,
и «Востоков» новых опять!

ДЕТСТВО

На старый снег, на залежалый
крупя метельная неслась.
Ты с нею в комнату вбежала,
вбежала вместе с ней, смеясь.
Смеялась весело и пьяно
и зазывала в высоту.
Глаза — большущие поляны,
а по полям я иду.
Иду босой, еще мальчишка,
а рядом маленькая ты.
И обжигают нам лодыжки
нектаром синие цветы.
Всё это раннее, с цветами,
в глазах колыхается твоих.
И мы цветы с тобою сами,
И нам с тобою не до них.

ЗИМНЕЕ УТРО

Я знаю, ты очень умная,
а если сказать короче,
задумчивая, как лунная
дорога январская ночью.
Задумчивая лежит она,
в таинственности светла...
Зачем же так неожиданно
В сугроб меня завела!

Леонид БЕЛЯЕВ

Леонид Беляев родился в Белозерске в 1939 году. Учился в Белозерском и Вологодском педучилищах. Недавно окончил Вологодский педагогический институт.

Первые стихи Леонид Беляев написал, будучи учащимся педучилища. Впоследствии некоторые его стихотворения были напечатаны в наших областных газетах.

Леониду Беляеву близки темы колхозной деревни. Его стихи — это стихи о тружениках села, о родном сердцу Вологодском крае.

ЗЕМЛЯКАМ-БЕЛОЗЕРАМ

— Поедем в Сочи.

— Не хочу!

Пришли желанные каникулы.

Я на автобусе качу

В край,

где росли Орлов и Викулов.

Ах, городок! Всё тот же вал,

И те же улицы, и озеро,

Которым детство отдавал

Мальчишка, весь в мечтаньях розовых.

Да и сегодня что-то мне

Опять мечты приходят разные...

Стоят герани на окне,

Как петушиный гребень, красные.

Берёзонька на берегу

Под бурей выжила, отважная...

И это видеть я могу,

Но и другое нынче важно мне.
Здесь тоже жизнь идёт вперёд,
И в ней ловлю я изменения.
Там, где толкается народ,
Всё чаще слышны извинения,
Всё меньше сплетен, меньше ссор
И, в общем, всякой лжи и косности.
А чаще слышишь разговор
О новом доме иль о космосе.
Вот потому я неспроста
Смотрю вокруг глазами жадными.
Расти, мой город, обрастай
Домами и делами славными!

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

Бывало, что на спящий город
Гроза ночная нападёт.
И небосвод, огнями вспорот,
Вдруг в тёмных окнах оживёт.

Я помню, бабушка вставала,
Крестила трижды сеновал
И чем-то белым накрывала
На кухне медный самовар.

Отца вопросами я мучил,
За ним таскаясь по пятам:
— Кто их полощет, тряпки-тучи?
Кто их выкручивает там?

И что за вспышки в небе, папа?
Иль это свет дневной зажжён?

Зачем бросают ведра на пол
В квартире выше этажом?..

Его ответам я не верил
И весь в неверии таком,
Бесшумно отворяя двери,
Я пробирался на балкон.

И в мир туманных многоточий
Колумбом маленьким войдя,
Я открывал тетрадку ночи
В косую линию дождя.

И ночь гремела, и сияла,
И не скрывала ничего,
И колья молний забивала
В могилу страха моего.

А ЕЩЕ МОРЯК...

Есть у нас в поселке дяденька,
Бывший, кажется, моряк.
Вот идёт он сытый, гладенький,
С виду, вроде бы, добряк.

Под сукном морского кителя —
Не бери сукно в расчёт —
Бьётся сердце накопителя:
«Ещё. Моё. Ещё».

Для общественного мнения
Две медали нацепил.
Стерегут его имяние
Три собаки на цепи.

И на каждый лай спросонья,
Если ноченька темна,

Сам с ружьём, набитым солью,
Вырастает у окна.

Это нам совсем не на руку,
Но симпатий не таим:
«А шарили фонарики
По яблоням твоим!»

НА СТЛИЩЕ

Развозили мы лён на стлище.
Я запомнил картину ту:
И жара была, и пылица
До похрустыванья во рту.
Как по снегу, скользили сани,
И на тракторную тропу
Золотые снопы бросал я,
Что монеты горстями в толпу.
И хоть варежки у Алёнки —
Две заплатки да три дыры,
Поднимала она тот лён, как
Подносимые ей дары.
До богатства того скупая,
И насмешлива и вольна,
Величаво она ступала
(Ей-то можно — сама и стлала)
По ковровой дорожке льна.

ДОБРЫЙ СНЕГ

Не учитывая чина,
Раздаёт он всем меха:
Эта муфту получила,
У того, глядишь, доха.
Даже бабку ёлку в шутку
Нарядил в соболью шубку.
Даже голые столбы
Шапки заячьи надели,
Прикрывая от метели
Обмороженные лбы.

В ДОРОГЕ

Мужички назяблись. Каково им,
Голоруким в экую метель?
Поломался трактор. Но обоим
Не впервой такая канитель.
Старший — не цитирую дословно —
Проклинает бога и мороз,
Лёг под трактор на фуфайку — словно
К наледи лопатками прирос.
А помощник, ухая в сугробах,
Жаждет раздобыться сушняком.
Треск по лесу. Значит, скоро оба
Руки обогреют огоньком,
Чёрные, промасленные руки
(Сливочное масло — ни при чём).
Каждый бы из них за эти муки
Должен быть героем наречён.

Герман КРУТОВ

Первое стихотворение Германа Крутова появилось в Вологодской молодежной газете, когда автору его исполнилось семнадцать лет. К этому времени он окончил Вологодское железнодорожное училище и стал работать слесарем на паровозо-вагоноремонтном заводе. Потом служил в рядах Советской Армии. По возвращении из армии снова пришел на родной завод.

Стихи Германа Крутова печатались в наших областных газетах и в журнале «Огонек».

Молодой автор пишет о своих сверстниках — рабочих, занятых мирным созидательным трудом.

ТУНДРА

Тундра культяпа, тундра нага.
Сосны — не сосны, рога — не рога.
Ели в кудели, ели замшели,
Еле-то еле душенька в теле.
В тундре кочуют метель да пурга.
В тундре снега, и снега, и снега.
То присмирившие, как полога,
То разгуляются, и — ураган!
В тундре, браток, и восток не восток.
В тундре, браток, не жалеют порток.
В тундре, браток, не считают потов.
Тундра, браток, без попутных ветров.
Тундра не верит горячим слезам.
Тундра не верит красивым словам.
Выложи душу, да чтобы — светла!
В тундре и солнце сгорает дотла.

В ЧУМЕ

В чуме жарко, в чуме лето.
На копне еловых лап
Геофизики — валетом,
Издают завидный храп.

Дед Назар, присев на шкуры,
Ворожит над огоньком.
Что-то сушит, что-то курит
Вперемежку с табаком.

И, склонясь бородкой жидкой,
Уж наверно в сотый раз
Ревизирует пожитки,
Проверяет бойзапас.

И мурлычет по-саамски
Песнь про бедного Гольца.

В этой песне, в этой сказке
Ни начала, ни конца.

Пёс у входа носом водит,
Чует мясо в котелке.
Да барахтаются звезды
В дымном сопле-потолке.

ВЫБРОСКА

Хорошо на лыжах, братцы,
Гнаться за порошею.
В час отмашешь вёрст пятнадцать
Хуже, если с ношею.

Тут, скажу, совсем не сладко.
Взмокнешь, глядя на зиму:
За спиной еда, палатка,
А дорожка — азимут.

И бегут, бегут снежинки,
Обгоняют весело.
У тебя дрожат поджилки,
Держишь равновесие.

Присугробиться охота
На снега на пышные.

Одолели треть похода,
А уж руки — лишние.

Но посвистываем лихо,
Чтоб казаться бодрыми.
Как же, сзади повариха
Громыкает вёдрами!

В гору боком, в гору боком
Бьём ступеньки-полочки.
А с горы — одна морока:
С горки ловим ёлочки.

Горка круче, значит, ниже
Показатель удали.
Зло берёт! Хотя бы к лыжам
Тормоза придумали!

ВЕСЕННИЕ СТРОКИ

Набит грачами бор заречный
И гамом свадебным объят.
Скворец из родовой скворечни
Вытуривает воробья.

Язи свирепо топят пробку.
Затукал трактор, слышу я...
Лишь кое-где лежит по тропкам
Зимы проплывшей чешуя.

СРОЧНЫЙ РЕЙС

На ухабистой дороге
Тягачи, машины, дроги.
Дайте ходу колесу —
Посевная на носу.
Сзади ветер без билета
Зайцем виснет на борту,
Впереди дороги лента,
Луж встревоженная ртуть.
Там, где пашня стонет глухо, —
То вздыхая, то кляня, —
Будто дождичка в засуху,
Дожидаются меня.

Мне бы уснуть
Летаргическим сном,
Мне бы взглянуть,
Что же будет потом?

Только уснуть
Не сейчас, не сейчас:
Слишком горячее
Время у нас.

Надо из друга
Отсеять труху,
Надо за звание
Драться в цеху,

Надо наращивать
Скорость атак,

Надо вечернюю
Кончить — вот так!

Надо хорошую
Выбрать жену,
Надо бы лично
Слетать на Луну,

Светлую песню
О людях сложить,
Мне бы до правнуков
Надо дожить.

Ну, и уснуть
Летаргическим сном.
Только уснуть
Не сейчас, а потом.

Вразброд
и повзводно
шёл лес
рекой полноводной...

Билось бревно неистово
неотёсанное,
комлистое.

Да так и село
на приплеске
белой белужиной
на песке.

А мимо единокровные
несли могучие брёвна.

И только
берёзка-сестрёлка,

сама-то хрупка,
как иней,
не обошла сторонкой:
то грудью толкнёт,
то боком
бревно к синеве глубокой.—

и увела
к стремнине.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ

Деревня вся дотла сгорела.
Реветь — пустое, надо жить.
И стар, и мал взялись за дело:
Деревню заново рубить.

Мой дед, печник незаурядный,
В ту пору сорок две печи
Сложил добротных, русских, ладных,
Задаром. Только за харчи.

Но люди всё же, кто что мог,
Ему носили: деньги, жито...
И он всегда ворчал сердито,
Их провожая за порог:

«Да что мне, горы золотые?
Да кто я, господи прости!

За дело доброе в святые
Хотели деда занести.

*

А мой отец, учитель бывший,
В районе слыл средь бедноты
Любого Керенского выше
И знаменитей Калиты.

Он правде-матушке учил их,
Опровергая небеса.
К нему за двадцать вёрст ходили,
Чтобы бумажку написать.

*

А ныне — мне открыты двери.
И дел больших — невпроворот!
И должен я, по крайней мере,
Не посрамить мой славный род.

Борис ЧУЛКОВ

Борис Чулков родился в Вологде в 1932 году. Окончив среднюю школу, а затем I Ленинградский институт иностранных языков, он работал корректором областной типографии, преподавателем института.

Первые стихи Бориса Чулкова появились в печати в 1957 году. А спустя три года увидела свет и первая его книжка стихов «Щедрый дождь», тепло встреченная читателями и критикой.

Недавно молодой поэт подготовил к печати второй сборник своих стихов.

ОПУСТИВ МОНЕТУ

Опускается
денежка —
откликается
девушка;
называется
номер —
отзываются
в доме.
Говоришь им:
«Пожалуйста,
нет такой-то? —
скажите»...
Отвечают безжалостно:
«Нет.
Попозже звоните».
А когда там попозже,
если вечер метелен,

и мороз бьёт прохожих,
проходящих без цели.
Счастье — может быть хрупким...
Звезды, в небе прорезавшиеся.
Тихо...
Вешаешь трубку
с ощущением, что вешаешься.
Телефон!
Ты же сложен
из столетий усидчивости,
ты настолько же сложен,
как отдельные личности;
но сейчас ты — железней,
чем консервная банка,
ты сейчас бесполезней
опороженной склянки, —
принадлежность настенная!
Захлестну в будке дверцу!
Не дал соединения
с самым нужным мне
сердцем!

ПРОВОДЫ

Провожает
парня
девушка, —
не вдовушка.
Уезжает
в армию
бритая головушка.
За спиной —
котомка,
девятнадцать лет.
Речи здесь — негромки,
громких слов —
нет.
Проводы,
ох, проводы:
снег, а где — дожди.
Говорят без доводов —

Только взглядом:

«Жди».

Жди. И верь:

не на смерть

держит путь солдат —

нынче в нашей власти

всех вернуть назад.

Так, младое племя.

Крепче жмите руки:

на часах — не время,

на часах — разлука,

что его увозит,

наказав писать,

а подругу просит —

ждать.

Поезд тронул.

Где уж там,

бритая головушка?

Не печалься, девушка,

ты не будешь вдовушкой!

Трещат сверчки — совсем такие звуки,
но — между нами — разве здесь сверчки? —
Здесь женщины, чьи пальцы и чьи руки
стремительны, подвижны и легки.

В них, право, что-то есть от музыкантов:
во-первых,
точность надобно учесть,
к тому же, дело требует таланта,
в машинке же
с роялем сходство есть.

И не боюсь нисколько ошибиться
и, не приврав, душой останусь чист,
сказав,
что здесь мелодия ложится
в облинии строки на белый лист.

И, право, не испортишь этим вкус ты,
что, вслушавшись, присмотришься и ты
к тому,
с каким естественным искусством
они, как в ноты, смотрят на листы.

Как плоть и душу
ноты обретают,
когда мы их сыграем иль споём, —
под их рукою
форму принимает
бесформенность царпанья пером...

Уходишь ты, конечно:
день — не долог
и куча дел не ждёт в конце концов;
уходишь, но в ушах звенит осколок
симфонии стрекочущих сверчков.

Она надолго слухом сохранится
и долго будет в памяти звучать,
и долго после
эти руки-птицы
перед глазами будут пролетать.

Их труд —
верней, искусство их —
люблю я,
и в голове среди всякой чепухи,
когда зайду, когда на них гляжу я,
стихийно зарождаются стихи.

Половецких имён первозданность
чернокудрым таким подходила б,
и живи ты в ту давнюю давность,
ты бы их языком говорила.
Ну а я был бы волосом светел,
как моя сторона-северянка,
и уж если бы я тебя встретил,
я бы взял тебя в плен, половчанка.

От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда,
где под окном рябиныгнулись,
кусты шептались у пруда.

Из горницы с намытым полом —
едва рассвет — была видна
и мягкость клеверного поля,
и леса колкая стена.

Да вот и это вспомнить стоит:
пилось из кружки так легко
пахуче-свежее, густое,
не городское молоко.

Ах, эта белая прохлада
в зелёный, солнечный июнь...

Иль август яблоком из сада
манит к себе — лишь руку сунь...

Или тропинкой потаённой
сквозь редкий лес пройти к реке,
такой задумчивой и сонной,
уснувшей в чутком ивняке,

смотреть на хрупкие берёзки
на горизонте, впереди,
и слушать ветер августовский —
как он поёт в ушах, в груди;

покой и рыжики в сметане
(не зря же ты бродил в лесу) —
закоренелый горожанин,
все это в сердце я несу.

Все это до того родное,
иного даже не хочу,
и потому о крымском зное
и Черном море я молчу.

И потому мне лучший отдых
в неброском северном раю.
Здесь русский дух и русский воздух,
об этом рае и пою,

где под окном рябины гнулись,
кусты шептались у пруда...
От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Богданов

Россия	6
Неусидчивость	8
Девчонки	10
«Я все равно благодарю»	13

Антонина Каютина

Северянка	15
Дорога	16
«Присмирел у книжной полки»	17
Разговор	19
У лесной речонки	21
Встреча	22
Книжки внука	24
«Нет, не я стихи написала»	26
«Опять на лужайке»	27

<i>Леонид Патралов</i>	
Дождь	29
Парни	30
Рыболов	32
«Я снова в Вологду приеду»	34
Улыбка	35
«Накрапывает дождик»	36
В полете	37
<i>Виктор Коротав</i>	
Я домой погостить	39
«Идут груженные машины»	42
«Я помню этот старый виноградник»	44
«Вот и снова я в родной стихии»	46
«Я не видел тебя еще ни разу»	49
Шуточное	51
«Мне так тебя встречать не хочется»	53
«Вновь у меня кружится голова»	54
<i>Олег Кванин</i>	
Север	56
Бюст героя	57
Патриот	58
На сенокосе	59
Если б...	60

Никогда...	61
Ключ	62
Работа	63
Столбы энергосети	64
<i>Вячеслав Козлов</i>	
Ракеты	67
«Не просишь солнца»	68
С «Востоком»	69
Детство	71
Зимнее утро	72
<i>Леонид Беляев</i>	
Землякам-белозерам	74
Страничка детства	76
А еще моряк..	78
На стлище	80
Добрый снег	81
В дороге	82
<i>Герман Крутов</i>	
Тундра	84
В чуме	85
Выброска	87
Весенние строки	89
Срочный рейс	90

«Мне бы уснуть»	91
«Вразброд»	93
Из родословной	95
<i>Борис Чулков</i>	
Опустив монету	98
Проводы	100
«Трещат сверчки — совсем такие звуки»	102
«Половецких имен первозданность»	105
«От асфальтированных улиц»	106

12 коп.

